Учителями славится Россия….

Выполнила:
Пономарева Вероника Сергеевна,
студентка 4 курса
специальность 44.02.02
Преподавание в начальных классах
Руководитель:
Назарова Алена Сергеевна, преподаватель

Сюжет, который я намерена изложить, может показаться вам преувеличенным, однако это отнюдь не художественный вымысел и не какие-либо бредни. В нашей стране трудился педагог, чей букварь издавался восемь раз, охватив своим обучением практически всё поколение целого народа. Был и наставник, открывший ребятам в высокогорном ауле окно в мир знаний. И существовал учитель, составивший первый учебник арифметики на лакском языке и давший грамоту более чем ста шестидесяти ученикам. Именно этим людям посвящены строки моего эссе.

Способен ли преподаватель прославить свой народ, ограничиваясь лишь обучением чтению, письму и привитием любви к родной земле? Многие полагают, что исторические свершения совершают полководцы, учёные или поэты. Но есть профессия, где величие определяется не громкими именами, а числом детей, которые благодаря вам впервые увидели мир. Для меня эта тема не абстрактна – она касается конкретного человека, чья фамилия значится в родословной моего рода. Николая Константиновича Казанцева я не знала лично: он ушёл из жизни задолго до моего появления на свет. Однако мне хорошо известно о его судьбе. И сейчас, обучаясь в педагогическом колледже, я всё чаще задаюсь вопросом: а смогу ли я когда-нибудь повторить его путь?

Преподавал географию Николай Константинович в Елецкой классической мужской гимназии. Учреждение возникло в 1871 году по инициативе местного земства при финансовой поддержке мецената Самуила Полякова, стало подлинным культурно-просветительским явлением своего времени. Здесь учились такие выдающиеся личности, как Иван Бунин, Михаил Пришвин и философ Сергей Булгаков, в то время как русскую словесность вел Василий Розанов. Именно в подобной интеллектуальной атмосфере трудился Николай Константинович.

Несмотря на то что география не относилась к приоритетным дисциплинам, таким как древние языки, педагог не воспринимался как учитель второго плана. В перечне сотрудников его фамилия упоминалась в одном ряду с Первовым, Ферри и Овечниковым. Он был частью коллектива, чья профессиональная деятельность обеспечивала Елецкой гимназии высокий статус и признание по всей стране.

Ему принадлежит единственный учебник по русской географии. Это не был масштабный многотомный труд или ряд методических пособий – всего лишь одна книга. Однако в этой кажущейся простоте кроется глубокий смысл. Для автора важна была не объёмность написанного, а та ценность, которую он дарил ученикам. Он обучал ребят воспринимать родную землю

не как сухой перечень параграфов, а как живой организм, с которым они связаны узами рождения. Для него география сводилась не к запоминанию дат и определений, а к размышлениям о реальном мире: о водных артериях, лесных массивах, населённых пунктах и людях, населяющих эти пространства. Главная задача учителя — научить видеть и замечать, что гораздо сложнее, чем просто передать информацию.

Николай Константинович преподавал в старших классах гимназии, но его подход актуален для любого возраста. Он проявил невероятную верность одному месту – Елецкой гимназии. Не стремясь к громкой славе, не тиражируя учебники и не меняя места жительства в поисках выгоды, он оставался там, где был нужен. Написав лишь одну книгу, но сделав её по-настоящему своей, он нашёл уникальный способ диалога с детьми о мире вокруг. Его уроки были увлекательными не из-за страха перед экзаменами, а благодаря искреннему интересу, который он умел пробудить в учениках.

Учитель оставляет после себя не здания и не памятники. Он оставляет людей. Тех, кто через него полюбил географию, или русский язык, или просто школу. Тех, кто запомнил, что взрослый может быть добрым и справедливым. Николай Константинович Казанцев оставил учебник. Оставил семью, которая помнит его. Оставил гимназию, где его имя до сих пор произносят с уважением. Может быть, в этом и есть смысл профессии учителя. Ты не знаешь, кто через сто лет вспомнит твоё имя. Но ты знаешь, что кто-то вспомнит. И это не тщеславие – это надежда.

Есть в России имена, которые помнят не потому, что их носили на площадях, а потому что они научили целые народы читать. Магомед-Кади Дибиров – дагестанский просветитель, педагог, человек, чья жизнь вместила в себя и служение знанию, и трагическую судьбу эпохи. Он родился в 1875 году в ауле Гочоб Чародинского района. Его отец, Дибир Дахдуев, был учёным-арабистом и участвовал в освободительной борьбе народов Кавказа под руководством Имама Шамиля, а также в восстании горцев против царской власти в 1877 году. С такой родословной можно было бы гордиться и почивать на лаврах. Но Дибиров выбрал другой путь.

Он окончил медресе «Умалаг-хаджия» в селении Аксай, с 1895 года сам начал преподавать. А в 1901 году его пригласили в село Аксай Хасавюртовского округа. Там он сделал то, что для многих казалось странным: основал первую светскую школу, в которой, помимо Корана, преподавались арифметика, история, география и астрономия. Я представляю себе этих детей, которые впервые в жизни смотрят на звёзды не просто как на украшение ночного неба, а как на объект изучения. Учитель открывал им не только буквы, но и способ думать о мире. Он владел аварским, даргинским, кумыкским, арабским, тюркским и другими языками. И это не просто перечень – за каждым языком стояла возможность говорить с детьми на том языке, который им близок.

Вернувшись в Темир-Хан-Шуру, нынешний Буйнакск, он открыл русско-мусульманскую школу, финансируемую благотворительным обществом «Джамиятуль Хайрия». И здесь начинается то, за что его помнят в

первую очередь. Он составил первый кумыкский букварь — «Къумукъалифба». Эта книга переиздавалась в Темир-Хан-Шуре с 1913 по 1928 год восемь раз: в 1913, 1914, 1915, 1922, 1924, 1926, 1927 и 1928 годах. Восемь переизданий учебника, который учит детей читать. Мне, как будущему учителю начальных классов, это говорит о многом. Это значит, что букварь не пылился на полке, а приходил в руки ребёнка снова и снова, из года в год, из поколения в поколение. Он был на родном языке. Не на языке чиновников или завоевателей – на языке, который ребёнок слышал от матери.

Но настоящим его подвигом я считаю «Букварь для взрослых» — «Уллуларучункъумукъалифба». Он выходил в 1924, 1926, 1927 и 1928 годах. Я думаю об этом и понимаю: взрослого учить труднее, чем ребёнка. Взрослый стыдится, что не умеет, боится осуждения соседей, боится, что над ним будут смеяться. Дибиров сделал для них букварь. Он не считал, что есть возраст, после которого учиться поздно. Это, пожалуй, самое важное, что я могу сказать о нём как о педагоге. Он верил, что знание – это не привилегия детства, а право каждого человека в любом возрасте.

Он написал «Уроки шариата» в 1914 году, трактат о нравственности «Наука по этике» в 1915, хрестоматию «Детский мир» для второго года обучения в 1922, учебное пособие для учителей по педагогике и педологии в 1924. Перевёл на кумыкский и аварский языки двадцать произведений, среди которых повесть Льва Толстого «Кавказский пленник». Подумайте: дети, которые никогда не видели русской зимы, читали на своём языке о пленнике, о другой стране, о других людях. Через книгу учитель открывал им дорогу к пониманию чужого мира, не теряя при этом своего. Он издал букварь и на аварском языке – в 1927 году. Не только для кумыкских детей, но и для аварских. Учитель, который знает несколько языков, понимает: ребёнок должен начать учиться на том языке, который слышит от матери. Это не замкнутость – это фундамент.

Преподавательскую деятельность он осуществлял в Буйнакском педагогическом техникуме, параллельно занимая должность инспектора в отделе народного просвещения. Его учениками становились будущие наставники, что демонстрирует истинную преемственность профессии: она передается не через официальные регалии, а через тех, кто когда-то сидел за школьной партой. Судьба педагога сложилась трагически. Летом 1929 года Дибиров вместе с еще 74 участниками «Дини-комитета» подвергся аресту со стороны советских репрессивных органов под обвинением в принадлежности к «контрреволюционной организации духовно-кулацкого толка». В декабре того же года, 14-го числа, приговор был приведен в исполнение: Дибиров и двадцать других членов комитета были расстреляны. Лишь спустя десятилетия, в 1988 году, последовала посмертная реабилитация. Однако этот юридический акт не отменяет его реальных заслуг. Сохранившиеся буквари, выросшие грамотные поколения и педагоги, воспитанные им, продолжают жить и работать. Историческая справедливость была восстановлена спустя полвека после гибели учителя. В июне 2025 года на

базе Национальной библиотеки им. Расула Гамзатова в Дагестане состоялась научная сессия, посвященная 150-летию со дня рождения педагога. Мероприятие организовал Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. На нем исследователи вновь подтвердили его статус просветителя и новатора в образовании, человека, подарившего своему народу ключ к знаниям.

Я думаю о нём, когда готовлюсь к своим первым урокам. О том, что учитель – это не должность. Это дело, которое продолжается, даже когда самого учителя уже нет. Дибиров оставил после себя не здания и не памятники. Он оставил людей, которые умеют читать. Он оставил книги, которые пережили его. И он оставил вопрос, на который каждый следующий отвечает сам: что ты сделал для того, чтобы кто-то через тебя увидел мир?

И есть в Дагестане имя, которое для меня звучит как ответ на этот вопрос. Абдулла Омаров. Лакец, родившийся около 1835 года в селении Куркли Казикумухского округа. О нём писали этнографы, лингвисты, поэты. Юсуп Хаппалаев посвятил ему поэму «Безгрешный грешник». А Пётр Карлович Услар, знаменитый лингвист, называл его «талантливым молодым человеком» и «руководителем» в изучении лакского языка. Но я думаю не о титулах и не о признании. Я думаю о том, что этот человек сделал для детей, которые пришли в школу.

Он был муталимом – учеником мусульманской школы. Учился в Кумухе, считался «первым муталимом по своим познаниям и способностям». Но система обучения в этих школах его не удовлетворяла. Он писал, что там «вообще не принято осмысливать содержание читаемых книг» — только зазубривать наизусть. Представьте себе это: молодой человек, который мог бы сделать карьеру арабиста, вдруг понимает, что знания без понимания – это пустота. И начинает искать другой путь.

Судьба свела его с Усларом. Это было в 1863 году, когда лингвист приступил к изучению лакского языка. Омаров стал его помощником, переводчиком, собеседником. Он не просто помогал — он корректировал труд Услара о лакском языке, находил «некоторые промахи» в составленной грамматике, вносил поправки. И главное – вместе с Усларом он работал над лакской азбукой на основе русской графики. В 1865 году вышел первый лакский букварь. И первым учителем, который начал преподавать по этой азбуке, стал Абдулла Омаров.

Я думаю об этом и понимаю: вот что значит учитель начальных классов. Не тот, кто читает лекции, не тот, кто пишет диссертации. Тот, кто берёт азбуку – и идёт к детям. В 1866 году по инициативе Услара в Кумухе открылась школа. Омаров учил в ней. За три месяца он обучил грамоте более тридцати учеников. А потом – сто шестьдесят девять человек. Среди них была и одна женщина. Для Дагестана того времени — случай исключительный. Он не делил детей на тех, кто достоин, и тех, кто нет. Он учил всех.

Он составил первую арифметику на лакском языке. Перевёл отрывок из «Детского мира» Ушинского – «Вода, воздух и их видоизменения». Издал

сборник лакских сказок и песен. Всё это – для того, чтобы у детей была книга на родном языке. Не чужая, не непонятная. Своя.

В 1867 году вышел «Сборник сведений о кавказских горцах». Там были опубликованы два очерка Омарова: «Воспоминания муталима» и «Как живут лаки». Я читала об этих текстах. Они написаны так, что учёные до сих пор называют их «энциклопедией жизни его народа». Он описывал быт, обычаи, обряды лакцев – не сухо, не как отчёт, а живо, с диалогами, с образами. У фонтана девушки переговариваются, старики сидят на посиделках, мальчишки бегают по аулу. Это не просто этнография. Это литература. Один из первых образцов светской реалистической прозы в дагестанской литературе.

Но для меня важнее другое. Он критиковал мусульманскую школу. Открыто, смело, для того времени – почти дерзко. Он говорил, что эти школы не могут «удовлетворить требования жизни», что дети выходят из них, не понимая того, что заучили. И сам создавал школы другие – светские, где учили арифметике, географии, естествознанию. Где ребёнок не просто запоминал, а понимал.

Его называли «урус Абдулла» – русский Абдулла. За любовь к русской культуре, за то, что он переводил, писал на русском, водил дружбу с русскими учёными. Но я думаю, что он был не «русским Абдуллой». Он был лакским учителем. Просто он понимал: знание не имеет национальности. Буквы, цифры, звёзды на небе – они одинаковы для всех. И если ты хочешь, чтобы твой народ читал, думал, видел мир, – ты берёшь то, что даёт тебе мир, и переводишь это на язык своего народа. Не теряя себя. Обретая большее.

В конце шестидесятых он уехал в Тифлис. Работал переводчиком Кавказского горского управления. Потом переехал в Закаталы. Работал учителем сельской школы. Умер там же. Простая судьба. Не героическая, не трагическая, как у Дибирова. Просто судьба учителя. Но я думаю о том, что он оставил. Азбуку. Арифметику. Книги на лакском языке. Учеников, которые научились читать. И текст – «Воспоминания муталима», – в котором он рассказал, как сам был ребёнком, как учился, как боялся хана, как понял однажды, что хочет другого. Это, может быть, самое важное. Он оставил рассказ о том, что значит быть учеником. И что значит быть учителем, который не боится учить по-новому.

Я думаю о нём, когда смотрю на своих будущих учеников. На детей, которые придут ко мне в класс. Они не знают, кто такой Абдулла Омаров. Они не знают, что была такая азбука, такие книги, такая школа, но они будут учиться читать. И я хочу, чтобы они учились так, как он учил: не зазубривая, а понимая. Не боясь, а удивляясь. Потому что учитель – это тот, кто даёт ребёнку азбуку. И тот, кто помнит: азбука – это не просто буквы. Это дверь.

И когда я стою перед этой дверью – ещё не открытой, но уже ощутимой, – я думаю обо всех трёх педагогах: о Николае Константиновиче Казанцеве, о Магомедеде-Кади Дибирове, об Абдулле Омарове и вижу не три отдельных судьбы, а одну общую линию. Учитель. Человек, который стоит между знанием и ребёнком. Иногда он пишет один скромный учебник,

иногда – восемь раз переизданный букварь, иногда – первую арифметику на родном языке. Но за каждым из этих поступков стоит одно и то же: желание, чтобы кто-то другой увидел мир шире, чем видел до него.

Я думаю о том, что их объединяет ни слава, ни награды, ни память потомков – хотя и она важна, – их объединяет верность делу, которое нельзя измерить ни чинами, ни званиями. Казанцев остался в одной гимназии и написал один учебник. Дибиров создавал школы там, где их не было, и учил взрослых, которых все считали безнадёжными. Омаров взял азбуку и пошёл к детям, не дожидаясь, пока его позовут. Разные пути. Одна суть.

Задумываюсь о себе: о том, что я стою в начале этого пути. Ещё не написала ни одного учебника, ещё не научила читать ни одного ребёнка. Но я знаю, у кого могу научиться. Не по учебникам педагогики – по жизни. У людей, которые делали своё дело тихо, без громких слов, но так, что через сто лет их имена произносят с уважением.

Может быть, это и есть ответ на вопрос, с которого всё началось. Может ли учитель прославить свой род? Да. Не громкой славой, а тем, что через него целые поколения научились читать, думать, видеть. И если однажды кто-то из моих учеников вспомнит моё имя – не потому, что требовала, а потому, что научила, – я буду знать, что стою в одном ряду с теми, о ком написала это эссе. Не по заслугам. По стремлению. И этого достаточно.